

ПОСЛЕДНИЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД.
(Воспоминания участника)

В июле 1920 года я находился в Севастополе на службе в Главном Инженерном Управлении. Делать почти было нечего. Жалованье, 60000 рублей в месяц, равнялось на американские деньги 1 дол. 50 центам. Жили мы в бывшем кабаке под названием "Салоники". Спали на койках без матрацов, подостлавши шинели. Питались "шрапнелью", то есть перловой кашей.

Поэтому, когда в июле стало известно, что готовится десант на Кубань, нашлось много желающих примкнуть к нему, в том числе и я. Приказано было свыше желающим не отказывать.

Приехали мы в Керчь и остановились в женской гимназии. О десанте говорил весь город, но о месте высадки действительно известно никому не было. Командовал десантом ген. Улагай, превосходный кавалерист. Между прочим, он был самым красивым человеком, какого я видел в своей жизни. Тогда позже я его встретил однажды в Константинополе; он был очень элегантно одет.

Вечером 31-го июля мы стали грузиться на суда, предварительно отслужив молебен. Настроение у всех бодрое и даже радостное. Я попал на паровую баржу "Амвросий". Это была старая катоба, но капитаном оказался знакомый моряк, который для начала накормил меня гороховым супом, а потом уложил меня у себя в каюте. Так удобно устроился только генерал Казанович, о котором ген. Деникин сказал: "Безумно храбрый человек". Остальные спали, где попало, но это было не страшно: ночь была теплая и море тихое... В темноте ночи бесшумно, без огня, как тени, корабли двинулись один за другим. Куда мы направляемся, все еще не было известно. Даже неизвестно было, идем ли мы в Азовское море или в Черное. Только после уже оказалось, что мы свернули в Азовское море. Каждому кораблю сказано было только: "Следовать за таким-то судном". Все, что мы знали, это - что наш "Амвросий" идет за "Павлом". Ночью я был атакован "красной пехотой", как мы называли клопов, и это испортило мой сон.

На утро 1-го августа мы оказались в открытом море; берегов не было видно. Жара, и море, как зеркало. У нас целый флот: большие и малые пароходы вытянулись в линию; баржи, паровые и простые, миноносцы - всего более тридцати кораблей разного рода. Ген. Врангель собрал, очевидно, все, что мог. Мы шли на Ейск, но вдруг среди открытого моря стали. Я купался в море прямо с Амвросия. Наша флотилия стояла недолго и, наконец, двинулась на юг. Наконец стало известно, куда мы идем: это станица Приморско-Ахтырская или просто "Ахтыри". Скоро показался низкий песчаный берег, никаких поселений не было видно. Наши миноносцы для приличия постреляли немного по какому-то советскому пикету. Потом мы пересели в лодки и двинулись к берегу. Некоторые казаки разделись и верхом на кочях бросились в воду. Теперь они едут на подводах, закутанные во что попало. Лодки до берега не доходят, поэтому снимаем штаны и выходим на берег. Потом идем и едем дальше в станицу Ахтырскую. Станица в 12 верстах от места высадки, часть наших высадилась прямо в станице. В станицу мы пришли уже ночью и ночевали в доме какого-то купца. Я назначен помощником начальника связи при дивизии Казановича.

2-го августа мы занялись проводкой телефонов. Прилетел советский

аэроплан и бросил бомбу. Убил нескольких обывателей и полковника Реформатского. Горько плакала его жена, тоже офицер Русской армии. Вечером в штаб Казановича прибыли несколько начальников частей с докладом. Происходило совещание. Вдруг Казанович как закричит: "Это чорт знает что! Еще вы будете бегать!" Оказывается, случилась беда. Погиб гренадерский батальон Атексеевского полка. Его окружила красная кавалерия. Шесть атак были отбиты, но когда батальон стали расстреливать пулеметами с тачанок, то grenадеры бросились бежать, кто куда, и были изрублены. Десять человек попали в плен, 17 человек удрали и вернулись к нам.

Станица Ахтырская большая и богатая; мы себя хорошо чувствуем в ней и уже завели знакомства. Вечером для нас зарезали жирного барашка, что было весьма кстати после севастопольской скудости.

Августа 4-го рано утром выступили в поход Казанович со своим штабом и наша команда связи. Частью едем, частью шагаем. Недалеко от Ахтырей, возле железнодорожного моста, увидели место гибели grenадеров. Всех убитых, числом 58, уже сложили в два ряда у братской могилы. Все в одной белье, изрублены и изуродованы.

К вечеру прибыли на Лохвицкие хутора. Мне приказали провести телефон от хуторов и включить его в железнодорожную телеграфную линию. Поехали: я, поручик Пучков и капитан Шимановский. После полуночи закончили работу и вернулись на хутор.

Августа 5-го. Рано утром двинулись дальше. Жара. Тут я увидел в первый раз, как люди валятся с ног от жары и усталости. Я думал раньше, что это только картинное выражение. Валились с ног юнкера Константиновского училища. Видишь, как человек падается, у него ноги залетаются, и он валится на землю. Его поят водой, поднимают на ноги, и он шагает дальше. Не знаю, или я трехжильный, или просто меньше ходил, но я ничуть не собирался падать. Дошли до нас известия о подвигах генерала Бабиева. Это тридцатилетний генерал, раненый семнадцать раз. Надо заметить, что в Белой Армии почти не было людей, не раненых хоть раз. Сам Врангель был ранен два раза. У Бабиева под начальством служил полковник Бабиев - его отец. Так вот этот Бабиев застукал ту кавалерию, что побила наших grenадер, и обратил их в рубленое мясо. Пленных он не брал. Оказывается, красные по дороге зарезали 20 человек из пленных grenадер. Кроме того, Бабиев захватил бронированный автомобиль под именем "Пролетарий". Команда автомобиля, вида, что не уйдет, взорвала внутри ручную гранату, которая и убила всех четырех, находившихся там. Автомобиль переименован в "Бабиев".

Бабиев храбрый боевой генерал, но только гоняет своих людей и лошадей до полного изнеможения.

К вечеру прибыли в станицу Староджеришевскую. У нас образовался большой обоз из обывательских подвод, в станице толкотня, и я с трудом нашел свой штаб.

Августа 6-го. Рано утром мне приказали провести телефон из штаба на вокзал, но едва я его построил, приказали снять. Мы двинулись дальше вдоль линии железной дороги к станции Тимашевской. Начальник станции Джеришевка сказал нам, что только с одной этой станции красные вывезли 200.000 пудов хлеба. Вот для кого берегла хлеб Кубанская Рада! Он же нам рассказал, что вчера расстреляли остальных grenадер, числом 71. Я их видал лежащими в ряд в одной белье на площади у церкви.

Мы включились в линию железнодорожного телеграфа и проверяли его.

При одной из таких проверок мы долго не могли добиться толку - слышали какой-то беспорядочный разговор. И вдруг слышим резко и отчетливо: "Бетные, оглядывайтесь назад да берегите уши, через час будет вам концерт.". Мы поспешно сняли телефон и двинулись на станцию Тимашевскую. Прошел не час, а два, но концерт вышел в нашу пользу. По дороге мы увидели испорченный автомобиль, окруженный нашими. В нем сидели два раненых красных командира. Один из них - начальник дивизии, расстрелявший наших grenадер, и с ними советская сестра милосердия. Какие гнусные рожи! Начальник дивизии полудележал, он был смертельно ранен, к его счастью.

К вечеру прибыли в Тимашевскую. Это большая станица и узловая станция. Сегодня она взята нашими. Вокзал разбит нашей артиллерией. Тут началась для меня сильнейшая работа. Нет отдыха ни днем, ни ночью. Мы проводим новые линии, снимаем старые, заряжаем элементы, ремонтируем аппараты. Иногда еще я зашифровываю телеграммы. Материалов не хватает; начальство ругается; страшная суета и хлопоты. Наши войска двинулись куда-то вперед и имеют успех.

Августа 8-го. Алексеевский полк пригнал около 1000 пленных. Все это михрютки не старше 20 лет из Пермской губернии. Дикая орда, настоящие бараны, глупые рожи. Даже язык мало понятный. Шинелей нет - только винтовки в руках и патроны в карманах; только обувь довольно хороша. Все уверяют, что служили у Колчака. Незвестно, правда ли это. Их разобрали по разным частям. Попало несколько человек и в нашу команду. Сегодня к нам в штаб прибежал босой оборванный человек, без шапки, трепещущий, растерянный и искушенный комарами. Это оказался некий есаул Крупнов, до сего времени сидевший в камышах. Его одели, накормили и приняли на службу в штаб.

Сегодня вечером мне дали шифровать телеграмму Казановича к Улагу. Казанович пишет, что противник держится пассивно, что указывает на его слабость. Поэтому завтра предполагается двинуться дальше на станицу Медведовскую. Частные сведения несколько иные - говорят, что в степи видны огни и движение войск.

Августа 9-го. Мы заказали своей хозяйке вареники с сыром и мирно ожидали их появления, когда вдруг в нашем саду разорвался снаряд. Поднялся переполох, я побегал в штаб. Там суета, работают во всю телеграф и телефон и происходит совещание начальства. Прибыл начальник штаба десанта генерал Драценко. Он - бывший начальник оперативного отдела Кавказского фронта. Известия поступают со всех сторон, и довольно тревожные. Красные наступают на Тимашевку значительными силами. Оно и видно. Снаряды падают к нам на площадь довольно часто, и за станцией начался бой. Рокочут пулеметы и шелкают винтовки. С нашей стороны дерутся юнкера Алексеевцы и Алексеевский полк, укомплектованный красными пленными. Нарастает тревога, паника усиливается.

Ное положение весьма затруднительное: с одной стороны, нужно будет своевременно убрать линию и аппараты, а с другой стороны - они нужны до последней минуты. Бой разгорается, перед штабом появился наш броневик. Свищут пули и сбивают листья с деревьев. Появились раненые. Привели здорового казака с простреленной грудью; он истерически плакал.

Вдруг из штаба определенно приказали снимать линию, и за этим началось бегство. Снять линию не успели, а только посрывали аппараты со столов и на ходу побросали в повозки, и весь обоз двинулся из станицы.

Жара, пыль, паляба. Корнет Гейне с револьвером в руках наводит порядок. По дороге разбилась наша двуколка; груз сняли, а ее бросили.

Выехали мы за станицу и понемногу успокоились. Мы отступаем на станицу Днепровскую. Пропали вареники! Вот тебе и пассивный противник!

Когда мы уже подъезжали к Днепровской, нам приказали повернуть обратно. Надо сказать, что драпал только штаб, а боевые части продолжали бой. Подъезжаем к Тимашевке, там на гребле у мельницы застава. На заставе нам сообщили, что юнкера Атексеевцы отбили атаку 15 тысяч красных, но, кажется, красные опять наступают. Действительно, бой продолжал греметь за станицей. Затем стали падать снаряды возле мельницы и по дороге от мельницы. Вероятно, красные воображали, что бьют по отступающим.

Двинулись мы опять из Тимашевки. Я ехал на одной подводе с раненым адъютантом Алексеевского училища. Он ранен легко в ногу на вылет, но все-таки задета кость. Нас обстреливали, и снаряды ложились недалеко от дороги. Ночью прибыли в Днепровскую. Повужинали сливами у какой-то казачки и вообще в этот день почти ничего не ели. Наши пленные провайли вольную или невольную преданность нам, а именно - усердно удирали вместе с нами, и один говорит другому: "Беги вперед! Нашим не попадаясь, посекут!"

Августа 10-го. Двинулись дальше из Днепровской еще до рассвета и пошли на Гречаные хутора. У нас образовался огромный обоз. Едут хозяйственные части, канцелярии, перевязочные пункты, снаряды, патроны, едет и наша команда связи. Подводы собрали с окрестных станиц и хуторов. Обоз растянулся на несколько верст от горизонта до горизонта. Замыкает шествие аэроплан, весомый лошадыми. Везут раненых, слышны их стоны и крики. К полудню прибыли на Гречаные хутора. По улицам лежали раненные. Запомнил я одного из них: лежит ничком, часто дышит и глядит страдающими глазами. Возле него суетятся санитары. Другой - убитый - лежит у плетня, залит кровью, руки скорчены, и около стоит конь, понурился готову. Обступили его другие казаки, сняли оружие и увели коня. Потом хоронили на кладбище убитых юнкеров, человек десять. Вырыли братскую могилу и отпели, как следует. Отпевал местный священник; вид у него жалкий, ряса измята. Трупы изуродованы, вся атмосфера - крайней грусти и печали. Поставили им крест без надписи.

К вечеру прибыли на Лебяжьих хутора. Остановились у священника. Он нас угостил великопепным белым арбузом и чаем.

Августа 11-го. На заре двинулись дальше и прибыли в станицу Гривенскую. Это большая станица, расположенная на так называемой протоке. Протока - это рукав Кубани, не очень широкий, но глубокий и с быстрым течением.

Августа 12-го. Утром опять выступили в поход. От Тимашевки до Гривенской это было отступление. Теперь опять переходим в наступление. Пошли к станице Ново-Николаевской. По дороге проходит поле недавней битвы. Следов немного: штук восемь убитых лошадей, несколько разбитых снарядных ящиков и три трупа. Один простенький рыжий мужик с искаженным лицом и застывшим криком на губах. Убит шашкой по затылку. Другой лежит посреди дороги. Гнусная советская рожа: бритая, а волосы длинные. Третий в стороне. Одеты в грязную парусину. Обувь сняли, остались только портянки.

Наш котосальный обоз идет степью и вдруг стал. Это случается, очень часто из-за порчи подвод. Но на этот раз дело затянулось. В чем

дето? Проносится известие - дорога закрыта: впереди красные. Вдоль обоза носится на коне довольно забавная и печальная фигура. Это старший казачий генерал Закладный. Он начальник обоза, симпатичный старик. Он горячится, ругается и даже лупит казаков нагайкой. Ему вслед улюлюкают. Теперь он командует: "У кого есть винтовки - становись в строй!" Выходит довольно много народу. Выхожу и я, а некоторые прячут винтовки в солому. Закладный дует их нагайкой, и в результате образуется сводная рота. Нас рассыпают цепью и ведут полем к далекому кургану. Обстановка неприятная, пыльный ветреный день, солнце в глаза, под ногами шелестит сухой бурьян. Впереди на кургане Утагай со штабом. На горизонте какие-то всадники. Как будто рубятся, но слишком далеко, не разглядишь. Говорят, сейчас будет бой под станицей Ново-Николаевской. Какой-то маленький бой действительно произошел, но далеко впереди, нам не пришлось участвовать. Благополучно двинулись вперед и скоро прибыли в станицу Ново-Николаевскую. Узнали здесь скверную новость - красные изрубили здесь несколько десятков молодых казаков, чтобы не приставали к нам.

Августа 13-го. На утро двинулись дальше. Перед отъездом мне приказали оставить в станице двух казаков с телефоном, чтобы они следили за противником и доносили нам. Иначе говоря, оставить двух казаков на погибель. Но мои казаки Шилка и Шпыгарь оказались не дураки и, немного поболтавшись в станице, вернулись к нам. Подошли мы к хутору Желтые Копанги, и шедший впереди стрелковый Кубанский полк вступил за хутором в бой. Весь наш обоз стоял перед хутором и ждал результатов боя. За хутором трещат пулеметы и винтовки, вспыхивают шрапнели; идет легкий дождик.

Нет ничего хуже такого пассивного ожидания. Не знаешь, двинемся ли дальше, или из-за хутора вылетит красная кавалерия и начнет рубить. А потковник Иванов, мое начальство, спит на возу под шум боя, и ему на лицо падает дождь. Наконец, часа через полтора красные удрали и мы вошли в хутор. Стали доставлять убитых и раненых. Пронести молодого казака - ран не видно, глаза полускрыты, лицо спокойно, будто спит, только страшно бледен. Положили его на солому под навесом. Потом прибыла подвода с ранеными: стоны, кровь и даже плач. Мы их снимали с подвода и вносили в хату. Суетится тут сестра - жена поручика Славутинского - и ничего не знает и не умеет. Потом мы заказали в одной хате карасей: хорошо закусили. Потом двинулись в станицу Ново-Джерелевскую, куда и прибыли вечером. Отпевали наших убитых в этом бою - всего трех. Нас все время провожает похоронное пение. Каждый день иту мы кого-нибудь хороним, или жители. Обращают на себя внимание здешние церкви. Это - большие красивые кирпичные здания, но хуже, чем в городе. Говорят, казакам некуда девать денег, вот и строят церкви. Край здесь очень богатый.

Августа 14-го. Провел я телефон Кубанскому стрелковому полку. Сидели тихо и спокойно. Вдруг - наш пушечный выстрел. Бегу к начальству за приказаниями. Каза ович ругается: "Что вы - слышали выстрел и уже испугались!" Кто-то обмолвился словом "тревога". - "За одно слово "тревога" буду вешать", - говорит Казанович.

Однако, за станицей начался бой. Наши устроили наблюдательный пункт на колокольне, провели туда телефон, и пошла работа. Наше орудия, к сожалению - только два, работают превосходно. Бьют шрапнелью без промаха и каждым выстрелом вырывают по 150 шагов фронта. Наступает пе-

хота. В телефон слышна команда: "Девять ноль". Затем — бах, бах, и т.д. Палят и красные по станице, шрапнель так и свистит. Наконец, они попали в колокольню и оборвали кабель. Спешно починяем телефон — бой продолжается. Показывается красная конница. "Бейте по коннице", приказывает Казанович. "Не могу я разорваться", — отвечает командир батареи, превосходный артиллерист, дроздовец. Приказали нам собираться. Высыпали на утицу испуганные жители. Какая-то девица говорит мне: "У нас со страху юбки падают!" Выехали мы из станицы и потянулись гуськом по дороге. Нас заметили и открыли огонь. Вспыхнули над нами белые облачки и засвистела шрапнель. Тут все подводы, как по команде, разом повернули налево и пустились вскачь по полю. Началась паника. Начальство крепким матом скоро восстановило порядок, и мы двинулись дальше. Многие жители станицы на наших глазах ударили в камыши, захвативши с собой коточки с хлебом. К вечеру мы вернулись в станицу Гривенскую и остановились в той же хате. Чеподалку устроили телефонную станцию.

Слышал я оригинальный разговор между нашим хозяином и его женой. Дело в том, что ее боднула корова в колено и искалечила. Она болеет уже целый год и не может двигаться. Вот муж говорит ей: "Умри!" — "Хорошо, я умру", — говорит она.

Вечером мы получили известие о страшном разгроме Красной Армии в Польше. Поляки взяли более 200.000 пленных. Об этом приказано известить нашу группу войск. А наши дела не так уж хороши. Вечером пришла телеграмма: "Противник двигается к станице, имея с собой тяжелые пулеметы". Несмотря на это, наше начальство не приняло никаких мер. Пока Казановича где-то нет, и нами командует генерал Колосовский, первоходник.

Августа 15-го. Сегодня Успенье. Я вышел во двор, и вдруг затарыхтит пулемет на нашей заставе, за полверсты от нас. Все высыпали во двор, ждем, что будет дальше. Донеслось отдаленное ура. Решили, неизвестно почему, что это наши. Вдруг полковник Иванов командует: "Запрыгай!". И тотчас же по нас открыли огонь из пулемета с луга, который начинался от нашей хаты. Я кинулся в хату, схватил свои вещи и бросил на подводу. Затем бросился на телефонную станцию. Встречаю по дороге рядового Аносова и кричу ему: "Срывай аппарата!". Пулемет трещит, но пути идут где-то высоко над нашими головами. Чужу — улица пуста. Наши с невероятной быстротой запрыгали и уехали. Я бегом пустился в догонку и скоро догнал подводу. На ней сидит поручик Лысенин, с ним сестра и разный хлам. Едут вскачь, потеряли крышку от самовара. Скоро догнали остальной обоз. Наши куда-то исчезли почти все. Остались только я, полковник Иванов, писарь и два брата Фоменко — рядовые.

Вдруг Фоменко кричит: "Неужели нам тут погибать! Господа офицеры! Давай патроны, давай винтовки!" — Я глянул вперед, вижу в конце улицы человек 5-6 всадников, шапки наголо, что-то кричат. Расстояние шагов 150. Я спрашиваю Фоменко: "Это красные?" — "Так точно!" Тут только я заметил, что они в красных шапках — отличный знак коммунистической кавалерии. Мы все пятеро забежали в какой-то двор и открыли дружную стрельбу. Тут у меня пропал всякий страх, я только затрясся от злости и стал старательно целить. Выпустил четыре патрона и не попал ни разу. Тут Фоменко убил коня под одним из всадников. Конь рухнул на землю, потетел и всадник, описавши какую-то удивительную траекторию. Тут все прочие всадники пошли наутек. "Ы за ними, кричим ура. "С нами Бог!" — прибавит Фоменко. "Не увлекаться!" — крикнул полковник Иванов.

Я говорю ему: "Господин полковник, примите команду!" - "Я никогда не командовал", говорит он. Всадники живо удрали. Я еще один раз выстрелит в догонку и тоже не попал, да еще чуть не оглушил полковника Иванова, так как стреляют сзади его. Оглянулись мы назад и командую обоим: "вперед". Никакого ответа. Посмотрели, а там ни одного человека, ни солдат, ни извозчиков. Мы побежали вперед.

Ужасно неприятно бежать, когда сзади свистят пули. Я догнал какую-то подводку из нашего обоза, и мы вскачь понеслись вперед. Кругом станицы идет бой, гремят пушки, но что, где и как - я ничего не могу понять. Выехали из станицы и уже спокойно поехали вдоль протоки. Опять собрался многочисленный обоз. К вечеру прибыли на хутора "Веселые", то есть проехали верст 30. Там Улагай и весь штаб десанта. Работает радио, связались с Врангелем. Наша неудача вполне определилась, нас будут эвакуировать в Крым. Да оно и неудивительно: на наш отряд в 5000 человек обрушились две советские армии, то есть около 80.000 человек. У меня пропали все вещи, осталось, что было на мне, то есть старое обмундирование, часы (они до сих пор у меня) и документы. Пропало и все телефонное имущество. Только Аносов спас телеграфный и два телефонных аппарата.

Августа 16-го. Стал на берегу Кубани. Собрался большой табор. Похоронили на берегу какую-то несчастную сестру милосердия. Оказывается, нас решили эвакуировать через Ачуев. Это небольшой городок в устьях Кубани, там рыбные ловли Кубанского Казачьего Войска. Там теперь строят для нас понтонный мост и для этого согнали лодки со всех окрестностей. Туда поехал через наш табор Улагай со своим штабом.

Августа 17-го. Меня с моей командой потребовали назад в штаб Казановича на хутора Барабановские. Поехали назад верст за тридцать, прибыли туда среди ночи. Обстановка оказалась весьма странная. Доехали мы до наших окопов, нам говорят: "поезжайте дальше". Проехали еще с версту по направлению к противнику и, наконец, приехали на место. На берегу Кубани стоит одинокий хутор, на другом берегу красные. С правого фланга Кубань, идущая в виде буквы Г, а левый фланг обнажен, и только в ту сторону направлены два пулемета. Заходим в хутор, весь штаб спит. Я явился к Караваеву (Начальник штаба), передал пакет, и мне приказали читать. Начал я читать, а тут красные открыли огонь с того берега. Никаких приказаний мне не дали, а только сказали: "Утром посмотрим!" Вышел я со своей командой во двор искать ночтега, а красные знай палят. Никакого ночтега мы не нашли и вернулись в наш табор, распотрошенный на Ачуевской косе. К нам каждое утро и каждый вечер притетают четыре советских аэроплана, и каждый бросает по 10 бомб, т.е. 80 бомб в день, и ни одного попадания. А ведь нас целый табор, широко раскинувшийся, да еще суда на море. Берег низкий, песчаный, море больше похоже на лиман, чем на море, даже вода мало соленая, кругом камыши. И вот бомбы попадают в камыши и в море. А ведь бомбы бывают и пятипудовые. Когда наши увидят аэроплан, поднимается неистовая, беспорядочная стрельба из винтовок и пулеметов. Попаданий незаметно, но стрельба удерживает красных на высоте. Все-таки эти налеты очень неприятны, хуже всего сознание беззащитности. Завидую полковнику Иванову: он во время налета преспокойно лежит на возу и улыбаясь глядит на небо. Конечно, это самое благоразумное.

Августа 23-го. Сегодня меня опять послали в штаб Казановича. Приехали. Оказывается, он стоит уже на Веселых Хуторах. Жители все разбе-

жались, урезали имущество, угнали скот. Казанович устраивается, будто на год: выбирает себе столовую, спальню и прочее. Соединились телефон с Фронтом. Фронт держат по очереди полки Алексеевский и Кубанский стрелковый. Алексеевский полк ненадежен. В нем масса вчерашних красных. Хутор под самой рекой, кругом камыши, на которые мы поглядываем с тревогой. Говорят, в этом году по причине засухи они стали прокоди-мы и оттуда могут появиться красные. Поэтому я сплю, не раздеваясь, и не расстасюсь с винтовкой. Оказалось, что у нее мунка сдвинута в сторону. Вот почему я не мог попасть ни разу. Каждый вечер красные поднимают усиленную оружейную пальбу. У них 12 орудий, что мы видим по вспышкам, а у нас только два. Мимо нас проходят наши последние части, скоро, видно, наша очередь отступать. Стоит чудная погода, а ночи прямо волшебны. Кубань, сады и хутора наполняются серебристым голубоватым туманом, река, как зеркало, и только плывущие по реке трупы конские и изредка людские портят красоту. Наше начальство покупает у извозчиков лошадей и повозки по полной цене и только у желающих. Бедные извозчики все "желающие", потому что на обратном пути их ловят красные и убивают всех, кто с лошадьми, а без лошади возможно проскользнуть домой незаметно.

Августа 26-го. Сегодня красные с утра палят по нас из пушек, но редко, и все снаряды аккуратно ложатся за реку в камыши. К вечеру они изменили прицел и положили 3 снаряда вокруг нашего штаба треугольником. Это значит, следующий снаряд будет прямо по штабу. Вечером к нам приехал на автомобиле Улагай. Я слышал его беседу с Казановичем. Казанович говорит: "Мы хотели повторить поход Корнилова, только с поддержкой интендантства. Мы хотели взять Екатеринодар". - "Какой там Екатеринодар, - говорит Улагай, - когда Тимашевку не могли удержать! Дураки красные, что не пустили нас в Екатеринодар, оттуда не ушел бы ни один человек".

Августа 27-го. Сегодня утром приказали мне убрать все. Наконец и мы уходим. К вечеру благополучно прибыли в Ачуев. Это оказался вовсе не город, а ничтожный поселок. Большая и хорошая церковь, дом священника, огромный ледник, сарай и чаны для засолки рыбы, в общем, домов штук десять. Кругом камыш, песок и болото. Мне удалось потучить от какого-то коменданта 13 фунтов муки, то есть по одному фунту на каждого человека моей команды. Мы из этой муки сварили галушки в патронной жестянке, да еще положили туда три коровьих ножки, найденные на дороге.

Августа 28-го. Остановились в одном доме с Улагаем. Я видел, как ему понесли черную икру в салфетке. Опять прилетели красные аэропланы и бросали бомбы в Ачуев. Наши положили телегу на бок, укрепили на колеса пулемет и папили в аэроплан. И наши пулеметы, и красные бомбы одинаково палят мимо. Вечером мне приказали снять телефонную линию от Ачуева до места посадки и дали в помощь янкеров. Ночью уборка линии была закончена, и мы сели на пароход.

В. Терентьев.

